

Не последнее танго Иглесиаса

с. 14, 15
За рубежом. - 1997 - 27 июня - 3 июля.

Серж ЛУПЬЕН

«ЛИБЕРАСЬОН», ПАРИЖ.

ОН ПОПАЛ в Книгу рекордов Гиннеса, продав более 250 миллионов дисков на шести языках. Хулио Иглесиас, словно волшебник, превращает в золото все, к чему прикасается. Настоящим золотым самородком можно назвать его последний диск «Танго». В нем один из самых популярных певцов века вновь вернулся к своим испанским корням. Только во Франции продано уже более двухсот тысяч экземпляров, а во всем мире диск разошелся приблизительно четырехмиллионным тиражом. Неплохой счет для экс-вратаря мадридской «Реала», который решил рассказать, как он шел к новому успеху.

— Действительно ли вы когда-то отразили пенальти знаменитого Ди Стефано?

— Такого никогда не было. Это своего рода глупость, попавшая в газеты. Меня нельзя назвать

великим футболистом. Последний раз я участвовал в матче «Реал» — «Барса» в Мадриде, а теперь вот уже тридцать лет не захожу даже в раздевалку. Когда-то я и мои друзья по команде были слеплены по одному образцу: тщедушное тело, зато сильные ноги. Мир футбола — мир монстров. Потом я вдруг начал ощущать свой возраст. И ушел. Правда, пою я только лет шесть или семь.

— Как вы объясняете свой успех?

— Там, где я жил, очень часто проводились музыкальные конкурсы. Передо мной открылись новые возможности. Я начал работать с некоторыми певцами и многому научился у них. Я всегда учусь у того, кто стоит выше меня.

— Откуда у вас такая любовь к танго?

— Мое первое воспоминание о нем относится к тому времени, когда я впервые увидел, как его танцует мой отец. А два года назад ко мне обратился Оливер Стоун с предложением написать музыку к своей «Эвите». Когда наш вариант потерпел неудачу,

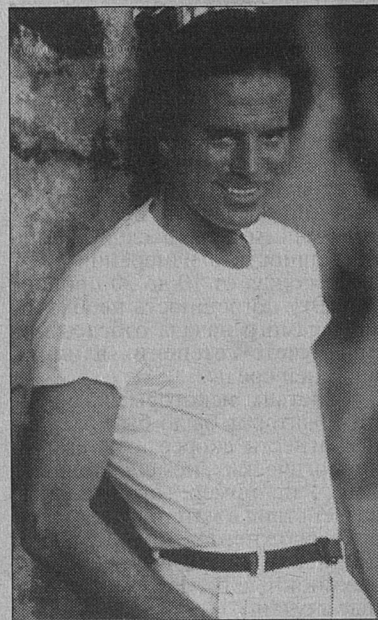

Фото «Маклинз», Торонто.

мой продюсер, аргентинец, подсказал выпустить диск, куда бы вошла и музыка к этому фильму. Танго — не просто музыкальный жанр, это особая культура. Оно способно заинтересовать всех, от китайцев до финнов. Его соз-

датель был гением. Он сочинил музыку одновременно и интеллектуальную, и простую. В конце концов я записал несколько песен, правда, в более плавном ритме, чем принято обычно. В общем, популяризировал танго. Имейте в виду, я вовсе не считаю себя артистом-интеллектуалом, но обожаю интеллектуалов вообще.

— Требуется ли танго специальной вокальной техники?

— Скорее специального выражения. Слова танго драматичны, а музыкальный ритм и вовсе особенный: это создает трудности для исполнителя. Может быть, именно это послужило причиной того, что в Аргентине, где столько молодых талантов, ни у кого не хватает смелости вновь погрузиться в стихию танго. Практически все мои диски, вышедшие там за последнее время, вот уже четырнадцать недель занимают первые строчки хит-парадов.

— Почему вас так любят во Франции?

— Потому что я умею отвечать взаимностью. Поклонникам нравится, когда артист терпеливо и без лишнего преувеличений рассказывает о том, что он любит, чем обычно занимается. Это не секрет. Впрочем, не думайте, что если я не кричу о сво-

ей популярности, то она мне неприятна.

— Не очень ли тяжелая ноша — слава?

— Для меня легче быть мечтой для других, чем мечтать самому. Когда знаешь точно, что ты можешь и хочешь, тогда ты счастлив. Каждый может создать себя. Некоторые специально не моются или носят рваные джинсы, считая, что это может дать им власть над другими людьми. Я их понимаю. Я тоже одеваюсь так, как мне удобно. Хотя, чтобы не разочаровывать поклонников, стараюсь не преступать рамок дозволенного.

— Какие отношения складываются у вас с вашими коллегами?

— Если у себя на родине я попрошу какого-нибудь известного певца спеть со мной дуэтом, он откажется. Тогда как в Соединенных Штатах Стиви Уандер, Дайана Росс и даже Сабрина будут петь со мной с восторгом. У меня сегодня нет больше комплексов. Чувствую, что мой голос звучит все лучше и лучше, и я могу проявить себя и в джазе, и в блюзе, и в танго...

— Значит, вы готовы в любой момент выпустить еще и другие тематические альбомы?

— Когда-нибудь я непременно сделаю альбом в стиле фламенко. И на будущее есть три песни

в стиле танго — две с Дэвидом Фортером и одна — с Бейби Фейсом. Я признаю, что Бейби Фейс создал свой неповторимый мир танго, но я также пою уже несколько лет. Впрочем, жаль, что я начал учиться слишком поздно. Единственное, чего я боюсь, это потерять хорошую физическую форму. Без этого невозможно выступать на сцене. Я понял это в самом начале своей карьеры, когда впервые дал концерт в Бразилии. Для меня сцена — это микрофон, не терпящий фальши, свет, в лучах которого нельзя спрятать недостатки, и музыканты, которых я не имею права подвести.

— Как вы относитесь к тому, что ваш сын Энрике занялся музыкальной карьерой?

— Энрике нельзя назвать певцом от природы, но он обладает приятным голосом. Он держал от меня в тайне выход своего первого диска. Об этом я узнал только от дочери. Меня поразила его сила воли. Он распродал уже четыре миллиона дисков, что просто великолепно для дебюта. У Энрике определенно есть шарм, артистическая внешность и талант, который должен развиваться. Он работает как безумный и только что закончил запись второго диска. Думаю, он заслужит «Грэмми». Я очень люблю своих детей. Они хорошо

воспитаны, конечно, я догадываюсь, что они пробовали марихуану, но в доме я никогда не видел ни одной сигареты.

— А как вам работало с Джонни Холлидеем в Лас-Вегасе?

— Извините, но меня там не было. Впрочем, Джонни я обожаю. Правда, он на меня сердится из-за того, что я не приехал в Лас-Вегас, но я его все равно очень люблю. Он цельный и потрясающий человек. Когда увижу его, то обязательно расцелую. Это не проблема.

— Вас могут соблазнить и мужчины?

— Для меня соблазн одинаков, исходит ли он от мужчины или от женщины. Я ничего не имею против гомосексуалистов. У меня даже есть друзья среди них. Соблазн универсален и асексуален. На самом деле соблазн — это счастье. Люди, способные поддаться соблазну и соблазнить других, чувствуют себя в жизни свободнее. Они тщательнее следят за своей внешностью и поведением. Особенно когда возраст начинает брать свое. Мне нравятся пожилые люди, которые не забывают о прическе, одежде и вообще внешности. Следить за своим эстетическим, моральным и физическим обликом — это великолепно.

— У вас есть враги?

— В моем возрасте чаще рядом остаются друзья. Прежде я называл врагов как будто специально. Мне нравилось их побеждать. К тому же я многому у них научился. Теперь же я ценю больше привязанность. К сожалению, только к старости начинаешь понимать, что чем меньше ты требуешь, тем больше тебя любят.

— Как, по-вашему, почему вы так долго держитесь на сцене?

— Мне помогает талант. Можно обманывать себя и других три-четыре года, но потом бездарность все равно умрет. Я же мечтаю умереть на сцене под аплодисменты.

— Во время выборов в Испании вы поддержали консерваторов. Почему?

— Моя семья была очень консервативной. Мой отец, врач, и дед, военный, считали, что раз Пикассо республиканец, то его нельзя назвать хорошим художником. Взрослея, я, конечно, приобрел свою точку зрения на окружающий мир.

— Не хотели бы вы когда-нибудь стать политиком?

— Мне нравится политика. Но, кроме того, мне нравится еще и заниматься любовью на улице. Подобные глупости, думаю, с жизнью политика несовместимы.